

Кали. правда, - 1991. - 8 марта.

Анджей ВАЙДА:

Каждый имеет столько свободы, сколько дает другим

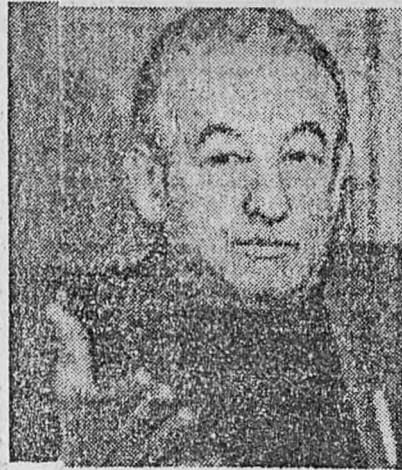
«А что сейчас делает Вайда?» — этот вопрос мне приходится слышать от знакомых всякий раз, когда я приезжаю в Москву. И всякий раз я неизменно отвечаю: «Вайда занимается политикой». Так оно, по сути, и есть: в течение последних лет имя Анджея Вайды появлялось в польской прессе почти всегда в связи с какими-то политическими событиями. То он предлагает сценарий для теледебатов двух профсоюзных лидеров — Леха Валенсы и Альфреда Мёдовича, то представляет свою кандидатуру на парламентских выборах и избирается депутатом сената, то участвует в обсуждении нашумевшего законопроекта о запрете аборт...

И все-таки этот ответ мне самому представляется неполным. Оставалось непонятным главное: зачем все это нужно Вайде — режиссеру с мировым именем, создателю таких шедевров польского кинематографиста, как «Пепел и алмаз», «Земля обетованная», «Человек из железа» и многих других? Что его заставило на достаточно долгое время отойти от работы в кино и театре и заняться политикой? Ведь даже страсти, которые разгорелись вокруг его нового фильма «Корчак», по-моему, имели ярко выраженную политическую окраску.

О том, какую роль интеллигенция должна играть в наше трудное, переломное время, я и решил побеседовать с Вайдой. Понятно, что увидеть его мне хотелось где-нибудь на съемочной площадке. Однако встретиться нам довелось в здании польского Сейма, в перерыве между заседаниями...

— Пан Анджей, наибольшую славу на родине вам принесли кинофильмы «Человек из мрамора» и «Человек из железа», касавшиеся острых политических проблем,

Если свободное общество продолжает совершать ошибки, обвинять, кроме себя, некого, предупреждает знаменитый кинорежиссер

которые в ту пору волновали общество. В Польше они долго были под запретом. Казалось логичным, что после победы «Солидарности», когда все запреты были сняты, последует их продолжение. Однако неожиданно для многих вы сняли свой последний фильм о Януше Корчаке, выдающемся польском педагоге и гуманисте. Почему именно — Корчак?

— Думать над образом Корчака я начал давно, лет десять или пятнадцать назад. Однако в ту пору снять этот фильм в Польше не представлялось возможным. Дело в том, что после 1968 года еврейская тема с польских экранов совершенно исчезла. И это мне казалось ненормальным. Оттого, что общество стало национально однородным, между поляками не стало меньше ссор. А то богатство и разнообразие польской культуры, которое ей придавали литовцы, белорусы, украинцы, евреи и немцы, жившие вместе с нами, в значительной мере оказалось утраченным. Мне хотелось об этом напомнить своим соотечественникам.

Кроме того, на Западе,

особенно во Франции, бытует представление о Польше, как о стране звериного антисемитизма, а о поляках — как о закоренелых антисемитах. Но ведь это неправда! Думаю, что в Польше антисемитизм распространен не больше, чем в любой другой стране.

— Следя за развитием фабулы фильма, я, честно признавшись, как-то даже не думал о том, был ли Корчак евреем или кем-то другим. Но я теперь мне это кажется отнюдь не самым важным. Я видел перед собой настоящего интеллигента: подлинного гуманиста, который остался верен своему призванию до конца и вместе с детьми пошел в газовую камеру...

В фильме нет этой сцены. Он кончается почти идиллически: отцепленный вагон останавливается где-то в пустынном месте, и счастливые дети бегут по полю под огромным небом куда-то к горизонту. Многие критики усмотрели в этом отступление от исторической правды и обвинили вас в искажении истины.

— Сцена, где дети гибнут в газовой камере вместе с учителем, произошла бы сильнее-

шее эмоциональное впечатление, все бы в зале плакали. И будь я моложе лет на двадцать, возможно, я бы такой финал и сделал. Но сегодня я думаю, что любое искусство, в том числе и кино, имеет свои границы. Я не хотел заканчивать фильм на этой убийственной ноте и был вынужден искать некий поэтический образ, которым мог бы его завершить.

Сценарий, написанный Агнешкой Холанд, давал мне такую возможность. Существует легенда, согласно которой последний вагон эшелона, везущего доктора Корчака вместе с детьми в лагерь смерти, отцепился от поезда, и все они спаслись. Отсюда и последние кадры. Но ранее, если вы обратили внимание, в фильме указывается, что доктор Корчак и его ученики были замучены в газовой камере лагеря смерти Трехлинка. Поэтому вся финальная сцена воспринимается уже как метафора, чего совершенно не заметили критики, изругавшие фильм. Более того, они пытались убедить кинозрителей Франции, будто бы я совершенно сознательно искажаю историю, не желая показывать газовых камер.

Конечно, есть сегодня на свете и такие маньяки, которые считают, что этих камер никогда в действительности не было. Но уж мой-то фильм никак нельзя интерпретировать подобным образом. В этом меня убеждает, между прочим, и тот факт, что минувшей весной он демонстрировался на фестивале в Иерусалиме, а после этого был рекомендован министерством просвещения Израиля к показу в средних школах. Ну а нападки критики меня не очень беспокоят. Ведь я и раньше, скажем, в «Земле обетованной», старался затрагивать болезненные, острые темы, на которые различные

общественные силы откликались по-разному. В этом я вижу свою роль в искусстве и в жизни...

— Подлинного интеллигента всегда отличала внутренняя свобода, которая позволяла ему при любых обстоятельствах оставаться собой. У нас, к сожалению, не всем удавалось ее сохранять... А как удалось это вам?

— Прежде всего я должен заметить, что польская интеллигенция никогда не испытывала на себе такого давления со стороны властей, как ваша. И потому мою судьбу трудно сравнивать с судьбой советских режиссеров, актеров, художников — скажем, хотя бы Тарковского. Того, что им довелось пережить, в Польше никогда просто не было.

Конечно, локучили и мне, могли запретить съемки какого-то фильма — сценарий «Человека из мрамора» лежал на полке двенадцать лет, но в любом случае до такого насилия, которому подвергались мои коллеги и друзья в СССР, у нас не доходило. Вот почему и какое-то сравнение с ними будет тут некорректным.

Что же касается меня самого, то я ведь снимал не только политические фильмы, иначе моя карьера очень быстро бы кончилась. Кроме них, я делал и нормальное игровое кино, и это давало мне возможность заниматься любимой профессией, не сторонясь в то же время политики.

— И все же для художника одно дело — осмыслить проблемы, которые тревожат общество, в своем творчестве и совершенно иное — непосредственно вмешиваться в политику. В какой мере, на ваш взгляд, это позволительно и необходимо?

— То, что мы с вами встречаемся в здании Сейма, где я принимаю участие в

работе сената, отчасти является ответом на ваш вопрос. Значит ли это, что я не мог уже больше снимать свои фильмы? Конечно, нет. Но пока я оставил это занятие, потому что считаю: мое место — здесь. Хотя у меня нет намерения поменять свою работу режиссера на труд парламентария или политика, но в данный момент мне кажется более важным участвовать в таком монотонном и довольно нудном деле, как подготовка и принятие законов. Польский опыт убеждает, что интеллигенция должна реально включиться в процесс перемен. Иного пути у нее просто нет.

— Однако не кажется ли вам, что при этом интеллигенция отчасти изменяет своему призванию? Ведь ее удел — быть всегда в оппозиции, не властвовать, а «истину даря с улыбкой говорить»...

— Да, мы должны сказать обществу правду о том положении, в котором оно очутилось. Но кого и как критиковать или хвалить сегодня — вопрос довольно трудный. Через несколько месяцев, когда состоятся парламентские выборы, моя служба в сенате, надеюсь, подойдет к концу, и я смогу вернуться к работе в кино. Уже сегодня я задумываюсь, что же тогда буду делать. Существуют два взгляда на то, что сейчас происходит в Польше. Согласно первому, мы уже живем в свободном государстве, а значит, долг художника — судить окружающий мир со всей взыскательностью. Ранее приходилось исходить из того, что общество не вполне свободно в своих поступках и потому его нельзя было судить по самому строгому счету. Иное дело — теперь, когда оно уже вполне свободно. Если общество продолжает совершать ошибки, если в

нем творится зло и беззаконие, то в этом виновато уже оно само, а не внешние условия.

Такова одна точка зрения. Есть и другая: какой мне смысл говорить обществу правду о нем в своих фильмах, если оно их не захочет смотреть? Некоторые мои коллеги считают, что время «злых дней» в кинематографе давно прошло. По их мнению, гораздо полезнее сейчас сосредоточиться на поисках общественного идеала, создании таких духовных ценностей, которые художник мог бы оставить в наследство своим соотечественникам. Определенный резон в таких рассуждениях есть. Однако мне было бы жаль, если бы сегодняшний момент польской истории не нашел своего отражения на киноэкране, как нашел его, скажем, год 45-й в «Пепле и алмазе», или 70-е годы — в «Человеке из мрамора».

Думаю все же, что такой фильм возникает.

— Не так давно английская газета «Таймс», анализируя события последних месяцев в Восточной Европе, в частности президентские выборы в Польше, писала о том, что интеллигенция здесь все больше теряет влияние и наступает время «серых людей». Согласны ли вы с этим утверждением?

— Допускаю, что такой взгляд тоже имеет право на жизнь. И, кстати говоря, меня он совсем не возмущает. Я не столь наивен, чтобы думать, будто бы интеллигалы способны управлять страной лучше, чем другие люди. Если Лех Валенса обладает в полной мере талантом и интуицией политика, то почему бы ему не стать нашим лидером? Удивляет меня лишь одно: почему рядом с ним за последние год-полтора не вырос ни один политик такого

же масштаба... Известно, что Валенса окружил себя новыми людьми, которые помогли ему стать президентом. Их интеллектуальный потенциал, наверное, действительно ниже, чем у тех людей, которые были с ним раньше. Но я все же разделял две вещи — Валенсу и его окружение. Ни для кого не секрет, что старая номенклатура, которая довела страну до настоящей катастрофы, делает сегодня все для того, чтобы разрушить в Польше «всяческие» авторитеты.

— В экономике наших стран все прочнее утверждаются рыночные отношения. Под этим предлогом резко сокращаются государственные субсидии на цели культуры. Интеллигенция оказалась в полнейшей растерянности: пель она громче всех выступала за рынок. А теперь получается, что пострадала от него же сильнее других. Где выход из нынешнего бедственного положения?

— Видите ли, тут происходит какая-то подмена понятий. Тому капитализму, который у нас рождается довольно медленно и хаотично, пока действительно не до культуры. Однако неправда, будто в развитых капиталистических странах культура существует и развивается сама по себе. Государство оказывает ей поддержку, хотя совершенно по-другому, чем при социализме: главным образом, через налоговую политику, разные формы финансовой помощи.

Есть разнообразные формы финансовой помощи при написании сценариев, производстве фильмов, их прокате и т. д. У нас такие механизмы пока еще не созданы. У парламента и правительства есть немало других первоочередных забот, и проблемы культуры отодвигаются на второй план. Но ими неизбежно

придется заняться, и чем раньше, тем лучше.

— Однако терпение интеллигенции тоже не бесконечно. Даже от художников, находившихся прежде в оппозиции к властям, мне приходилось слышать, что раньше все-таки жилось полегче...

— Знаете, нечто подобное бывало при распаде неудавшихся браков. Первое время и он и она просто счастливы, что наконец развелись. Но какое-то время спустя им обоим начинает казаться, что вместе жить было все-таки чуть-чуть легче: он мог что-то наладить в квартире, она — приготовить обед...

Эти мелкие бытовые удобства неожиданно приобретают гораздо большее значение, чем они имели на самом деле. Так бывает и с обществом. Пока мы жили при старой системе, всем хотелось каких-то больших перемен. А когда создалась новая ситуация и общество столкнулось со значительными трудностями, у многих пробудилась неосознанная тоска по прошлому, когда в магазинах все было так дешево, хлеб стоил пару злотых, а лекарства вообще можно было достать за бесценок. Но ведь из-за этого мы и оказались у края пропасти! Однако об этом сегодня почему-то не думают. Даже профсоюз «Солидарность», являвшийся главной движущей силой польских перемен, сегодня становится у них на пути. На днях я услышал от кого-то парадоксальный вопрос: «Когда же «Солидарность» уйдет, наконец, с предприятий?» Парадокс тут в том, что точно так же в свое время требовали удалить с предприятий парткомы. Выходит, что сегодня комитеты «Солидарности» подчас играют на заводах ту же роль...

— И все же совершенно очевидно, что прежняя система в глазах полков себя

окончательно скомпрометировала и возврата к ней быть уже не может. Но в Польше есть и такие проблемы, где грань между добром и злом бывает провести довольно трудно. Я имею в виду готовящийся в парламенте законопроект о запрете абортов, расколотивший польскую интеллигенцию на два лагеря. Популярнейший киноактер Даниэль Ольбрыхский, снимавшийся во многих ваших фильмах, например, публично высказался против этого законопроекта. Вы же, насколько мне известно, его поддерживали. Не могли бы вы пояснить свою позицию?

— Я поддерживал и буду поддерживать этот законопроект в той мере, в какой он будет служить гуманным целям, охранять человеческую жизнь еще до появления на свет ребенка. Но я проголосовал против, если его попытаются использовать для оправдания насилия, защиты какой-либо идеологии. А к этому, похоже, все больше и клонится дело. Теперь уже почти не вспоминают, в чьих интересах разрабатывался этот закон, кого он должен защищать. Зато все больше говорят о том, как с его помощью можно будет /качать людей, совершивших плохие поступки. В обществе есть определенные группы, которые хотели бы подобным образом заявить о себе, сбить себе капитал. В экономику они не суются, потому что какой-то своей программы, альтернативной плану Бальцеровича, у них попросту нет и быть не может. А тут они надеются, перекуривая других, привлечь к себе внимание публики.

Высказавшись с самого начала в поддержку этого законопроекта, я, вероятно, допустил ошибку. Но тогда мне казалось, он действительно послужит добру. Теперь же для меня очевидно, что под

ним скрывается идеология, и потому я не могу его поддерживать.

— По сути, тем же проблемным камнем для нашей интеллигенции стал национальный вопрос. Протворение между национальными чувствами, которые есть у любого из нас, и сознанием своей принадлежности ко всему человечеству — как его разрешить?

— Тот факт, что российская интеллигенция в своей массе осудила насилие в Прибалтике, имеет, на мой взгляд, фундаментальное значение. Когда я об этом узнал, то честно признаюсь — вздохнул с облегчением. Потому что первый шаг был сделан в нужном направлении...

Что же касается русских, живущих в Литве, то у них будет столько свободы, сколько сами россияне дадут ее литовцам, живущим в России. Перед нами, поляками, стоит та же проблема. Я был избран сенатором в Сувальском воеводстве, где в основном у нас сосредоточено литовское национальное меньшинство. У тамошних жителей вплоть до последнего времени не было даже приличного Дома культуры: прежние власти не разрешали его строительство. Почему? А потому, что поляки в Литве могли бы взамен потребовать вернуть им польские школы, которые когда-то у них отобрали. А коммунистам не были нужны ни эти школы, ни Дом культуры. Принцип тут давно известный: раздели и властвуй...

Убежден, что когда национальный вопрос перестанет быть предметом манипуляций со стороны властей, острота его снизится.

Беседу вел В. ШУТКЕВИЧ. (Наш соб. корр.).

Варшава.